

Сравнительный метод и его использование в исследовании хозяйственных механизмов.

Эффективность творческих поисков, направленных на совершенствование управления социалистической экономикой, во многом зависит от того, в какой мере они учитывают накопленный в этой области богатый интернациональный опыт, на внимательное изучение и более широкое использование которого, нацелил XXVI съезд КПСС.

В каждой социалистической стране сложились специфические формы организации хозяйственной жизни. В них проявляются как общие закономерности социалистического и коммунистического строительства, так и особенности его условий и методов. Разнообразие таких форм – источник богатства коллективного опыта. Умелое применение этого богатства немыслимо, однако, без тщательного учета особенностей каждого хозяйственного механизма, что в свою очередь предъявляет серьезные требования к методологии и методике сравнительного исследования таких механизмов и обобщения интернационального опыта управления.

1. Место сравнительного метода в арсенале средств научного исследования

Сравнительный метод в истории науки. Сравнение – это логический прием, необходимый во всякой познавательной деятельности: на различных ее этапах и уровнях, вне зависимости от ее объекта. Сравнительный метод – более узкое понятие. В качестве особого метода исследования сравнение может выступать только в том случае, когда процедура сопоставления требует – для эффективного ее проведения – специальной подготовки и организации. Такая необходимость возникает обычно при сравнении сложных объектов и явлений, которые описываются большим набором широко варьирующих признаков.

Высокая оценка роли сравнительного метода в развитии науки содержится в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Уже в «Немецкой идеологии» основоположники марксизма четко разграничивают элементарное сравнение и метод наук, в которых «сравнение приобретает общезначимый характер»; отмечают большие успехи, достигнутые благодаря этому методу

сравнительной анатомией, ботаникой, языкознанием¹. Позднее, при анализе истории естествознания Ф. Энгельс рассматривает использование сравнительного метода в качестве одной из важнейших предпосылок формирования эволюционной теории в биологии и диалектического взгляда на природу в целом. Успех этого метода был обусловлен прежде всего его ролью в обобщении большого объема фактических данных «...научные путешествия и экспедиции... успехи палеонтологии, анатомии и физиологии вообще и особенно со времени систематического применения микроскопа и открытия клетки – все это, – пишет Энгельс, – накопило столько материала, что стало возможным – и в то же время необходимым – применение сравнительного метода»².

Значителен вклад сравнительного метода и в прогресс общественных наук. Компаративистика получила развитие в языкознании и литературоведении, истории и этнографии, социологии, правоведении и других областях социального познания. Наиболее богатую историю имеет сравнительно-историческое языкознание, научный аппарат которого создавался усилиями нескольких поколений ученых. С помощью строго выверенных методик специалисты научились на основе анализа сходств и различий в языковых явлениях проследить эволюцию отдельных языков, их взаимные влияния, реконструировать древние языки³. Результаты таких исследований нашли применение далеко за пределами самого языкознания, стали незаменимым средством изучения древней истории. По авторитетной оценке, «сравнительно-историческое языкознание – та гуманитарная наука, которая выработала наиболее точные способы глубокого проникновения в далекое прошлое»⁴.

Впервые сравнительный метод приобретает широкую популярность в общественных науках в XIX веке. С началом нынешнего столетия внимание к нему, по крайней мере, в некоторых отраслях естествознания, ослабевает, но уже начиная с 50-х гг. как в советской, так и в зарубежной литературе наблюдается неуклонный рост интереса к сравнительным исследованиям⁵. Задача, которой служит сравнительный метод, остается при этом прежней и заключается в преодолении несоответствия между массой накопленного во многих областях социального познания фактического материала и уровнем его научного обобщения⁶.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 443.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 353.

³ Макаев Э. А. Общая теория сравнительного языкознания. М.: Наука, 1977.

⁴ Иванов Вяч. В. Язык как средство реконструкции истории. // Природа, 1983. № 11. С. 26.

⁵ Мелконян Э. Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1981.

⁶ См.: Мелконян Э. Л. Проблемы сравнительного метода в историческом знании. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1981. С. 120; Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. / Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 145.

Опыт сравнительного правоведения показывает, что на основе сравнительного метода могут решаться не только научно-познавательные, но и важные прикладные задачи. В частности, успешно развиваются исследования по «рецепции» права, или – иными словами – по переносу правового опыта из одних систем права в другие. Проведение таких исследований служит важным стимулом при разработке теоретико-методологических проблем компаративистики в рамках юридической науки⁷.

В экономической литературе сравнительные исследования представлены не так широко, как в других областях социального познания. Традиционным является лишь интерес к межстрановому сопоставлению макроэкономических величин, характеризующих уровни, темпы и пропорции хозяйственного роста. Однако в таких исследованиях внимание обычно концентрируется на сравнимости отдельных показателей, что не характерно для сравнительного метода в собственном смысле слова. Сравнительное изучение сложных экономических объектов как особое направление исследований находится пока в начальной стадии. В работах буржуазных экономистов эта тема разрабатывается в русле концепции так называемых «сравнительных экономических систем» и имеет откровенный апологетический характер. Первые попытки рассмотрения специфических методологических проблем таких сопоставлений насчитывают немногим более десятка лет⁸.

В СССР и других социалистических странах в последние десятилетия, особенно в связи с проведением хозяйственных реформ, большое внимание уделяется описанию и анализу опыта совершенствования хозяйственных механизмов разных стран. Эти разработки позволили собрать богатый фактический материал, стимулировали развитие теории и практики социалистического хозяйствования. В то же время методологические основания анализа и обобщения конкретной практики функционирования разных хозяйственных систем исследованы пока явно не достаточно. С этой точки зрения опыт использования сравнительного метода в других областях общественногнания представляет значительный интерес для развертывания соответствующей работы в рамках экономической науки.

Философско-методологические основания сравнительных исследований.

Осмысление опыта, проблем и возможностей сравнительного метода в социальных науках – это составная часть общего процесса идейно-теоретической борьбы вокруг фундаментальных методологических вопросов познания общественных явлений. Отношение к этому методу

⁷ Сравнительное правоведение. Сб. статей. Вступительная статья В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1978. С. 8.

⁸ Критический анализ буржуазной экономической компаративистики с марксистских позиций содержится в ряде работ. См., например: *Котов В. Н.* Критика буржуазных теорий «экономических систем». М.: Наука. 1981; *Ольсевич Ю. Я.* «Компаративный анализ» экономических систем и развитой социализм. // Вопросы экономики, 1981. № 8.

западных теоретиков существенно различается в зависимости от их философско-методологической ориентации в рамках буржуазной идеологии.

Позитивистская традиция с характерным для нее стремлением к некритическому переносу в общественные науки эмпирических методов естествознания сводит задачу социального познания к сбору эмпирических данных и индуктивному выведению на их основе универсальных зависимостей. А так как данные, получаемые при многократном повторении опытов с одним и тем же социальным объектом, как правило, недостаточны для установления таких зависимостей, то предлагается перейти к описанию совокупности объектов соответствующего класса. В этом случае основанием для выдвижения обобщающих суждений призвана служить повторяемость признаков и их сочетаний у разных объектов изучаемой совокупности. Чтобы установить повторяемость, нужен метод сопоставительного анализа данных, характеризующих эти объекты. Если объектов достаточно много, то роль такого метода отводится математическому аппарату статистики; если же количество объектов существенно ограничено, то предлагается довольствоваться процедурой систематического сравнения. Именно такова, например позиция известного буржуазного социолога Н. Смелсера, для которого, систематическое сравнение – это не более чем несовершенный аналог, суррогат статистического метода⁹. И наоборот, статистический метод – это наиболее совершенное выражение сравнительного метода в широком смысле слова. При последовательном проведении этой точки зрения выделение особого сравнительного метода представляется «произвольным» и «лишенным реального методологического значения», «неразумной условностью»¹⁰. Размывание грани между сравнением как таковым и сравнительным методом отражает характерную черту позитивистской позиции в целом: ее пренебрежительное отношение к специфике исследуемого объекта, будь то социальный объект вообще или объект сравнительного анализа, в частности.

Прямо противоположная методологическая установка отличает субъективно-идеалистические направления социально-философской мысли, прежде всего такие, как неокантианская методология истории и так называемая «понимающая» социология. В основе данной установки лежит идея уникальности любого социального объекта. По мнению ее приверженцев, индивидуальная история отдельных событий, намерения и действия конкретных лиц – их участников придают социальным явлениям такие внутренние смыслы и неповторимые

⁹ Smelser N. Comparative Methods in the Social Sciences. Englewood Cliffs, 1976. P. 157.

¹⁰ Zelditch M. Intelligible Comparison. / Comparative Methods in Sociology. Essays on trends and applications. Ed. by I. Vallier. Berkeley, 1971. P. 271.

значения, которые делают невозможным объяснение этих явлений на основе обобщающих законов и универсальных определений.

Социальное познание нацеливается поэтому не столько на **объяснение**, сколько на **понимание** общественных объектов в их целостности и уникальности. Такая постановка задачи не может не вызвать негативного отношения к сравнительному методу, который расценивается «как отрицание самой идеи неповторимой исторической индивидуальности». В концепции метода исторических наук, предложенной неокантианцем Г. Риккертом – одним из главных идеологов данного направления – методу сравнения вообще не нашлось места¹¹.

Таким образом, в своих крайних формах и позитивистская и субъективистская методология от сравнительного метода фактически отказываются. В первом случае отрицается его роль в качестве особой методологической программы, во втором, – его адекватность специфике социального познания. Эта полемика отражает реальное гносеологическое противоречие, которое должно быть осознано не только противниками сравнительного метода, но и самими исследователями – компаративистами.

Обратимся к характеристике этого противоречия, предложенной М. Зелдичем¹². Ее логику можно свести к следующим основным пунктам: (1) сравниваемые объекты должны обладать хотя бы одним общим варьирующим признаком, причем смысловая нагрузка этого признака должна быть идентичной для всех объектов; (2) одни и те же признаки несут различную смысловую нагрузку в разных контекстах; (3) учет этих разных контекстов и смысловых нагрузок при сравнении предполагает соответствующее «укрупнение» и признаков и самих объектов сопоставления; (4) в конечном счете контекстом любого признака служит культура общества в целом; (5) общества как целостности уникальны; (6) следовательно, сравнимо только несравнимое.

Этот парадокс нужен Зелдичу в качестве доказательства некорректности того, что он называет «правилом холизма», или требования, по которому сравнительному изучению подлежат только целостные объекты (общества, культуры и т. д.). Но вопреки позитивистскому представлению далеко не всякое противоречие – продукт логической ошибки. Реальность данного противоречия подтверждает дальнейшее рассуждение самого Зелдича. Попытавшись отделить обобщающее суждение от пут смыслового контекста, он пришел к признанию, что при конструировании общей теории некоторого процесса или явления «необходимо абстрагироваться не только от специфических условий, но даже от других процессов,

¹¹ См.: *Шидер Т.* Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. / *Философия и методология истории.* М.: Прогресс, 1977. С. 152–153.

¹² *Zelditch M.* Intelligible Comparison. / *Comparative Methods in Sociology. Essays on trends and applications.* Ed. by I.

протекающих в каждом случае»¹³. Иными словами, при конструировании, например, теории организации (или теории науки, или экономической теории и т. д. и т. п.) Зельдич советует абстрагироваться от экономических, политических и всех прочих процессов и явлений, сосредоточиться на сравнении только организаций всех времен и народов и выведенные таким образом общие свойства организаций принять в качестве искомой теории. Таких «теорий», по его собственному признанию, может быть столько же, сколько свойств у всякого социального целого, т. е. неограниченно много. «Будучи сами по себе бесспорно общими, они тем не менее в каждом специфическом случае будут соотноситься неповторимым образом»¹⁴. Но это значит, что вооружившись сколь угодно большим числом «теорий», сконструированных по Зельдичу, мы все равно не сможем объяснить ни одного явления или события из-за отсутствия критерия для выбора нужной в каждом случае «теории».

Таким образом, Зельдич отвергает точку зрения, согласно которой в сравнительном исследовании необходимо идти от целого (реальных обществ) к частному (их отдельным характеристикам), и предлагает двигаться в противоположном направлении; от частных свойств объектов, преждевременно возводимых в ранг «законов» или «теорий»¹⁵ к целостным комбинациям таких свойств. При всех различиях обе позиции сходятся, однако, в признании разрыва между частными характеристиками объектов и их целостным пониманием, причем в обоих случаях этот разрыв обуславливается теми «контекстуальными» значениями которыми целое наделяет свои частные характеристики. В зависимости от принятого исходного пункта источник этого разрыва усматривается или в изначальной несопоставимости «отягощенных» контекстом частных свойств, или в невозможности рационально синтезировать из набора таких свойств целостные образы реальных объектов.

В сущности, речь идет о проблеме, получившей в истории обществознания наименование «герменевтического круга». Раньше других с ней столкнулись филологи и историки, которым приходилось толковать незнакомые тексты. «Чтобы понять значение предложения, необходимо знать значение отдельных слов, из которых оно состоит. С другой стороны, значение отдельных слов зависит, очевидно, от целого предложения. Возникает на первый взгляд формально логическое противоречие: знание целого предполагает знание частей, а знание частей, в свою очередь, требует знания целого. На самом же деле здесь мы имеем дело

Vallier. Berkeley, 1971. P. 276–279.

¹³ Zelditch M. *Intelligible Comparison*. / *Comparative Methods in Sociology. Essays on trends and applications*. Ed. by I. Vallier. Berkeley, 1971. P. 279.

¹⁴ Zelditch M. *Intelligible Comparison*. / *Comparative Methods in Sociology. Essays on trends and applications*. Ed. by I. Vallier. Berkeley, 1971. P. 279.

¹⁵ На проверку подобные «теории» и «законы» чаще всего оказываются трюизмами обыденного сознания или мнимо универсальными стереотипами поведения. Барз М. Категории и методы исторической науки. М.: Наука,

с диалектическим противоречием, которое постепенно разрешается в процессе все более полного и глубокого понимания»¹⁶. Это справедливо и к истолкованию предложений в рамках текста и к осмыслению любых элементов социальных систем в их реальном контексте. Соответственно игнорирование диалектического характера данного противоречия неизбежно заводит в тупик как позитивистский, так и субъективистский анализ методологических проблем компаративистики.

В целом проблему можно резюмировать следующим образом: сравнительное исследование социальных явлений предполагает наличие, с одной стороны, языка, достаточно универсального, чтобы с его помощью можно было описывать разные объекты, и, с другой стороны – некоторого уровня понимания каждого из сравниваемых объектов, необходимого для фиксации роли отдельных элементов в общей структуре таких объектов. При этом справедливо общее логическое правило, что более универсальный язык описания открывает путь к более широким сопоставлениям, но ограничивает глубину анализа конкретных объектов, и наоборот¹⁷.

В каких же направлениях идет поиск решения этих проблем, когда он опирается на практику сравнительных исследований? Для западной литературы характерными представляются прежде всего две тенденции в таком поиске, каждая из которых тяготеет к соответствующей базовой философско-методологической ориентации и выражает определенный с ней компромисс.

Одна из них – структуралистская. Ее отличает стремление обнаружить в общественной жизни не просто разрозненные «обобщающие законы», а целые блоки взаимосвязанных универсальных характеристик, или структур. Тем самым воспроизводя установку на универсальность своих обобщений, структурализм в то же время пытается обогатить ее с учетом идеи целостности. Основание для такого синтеза известный этнограф и ведущий теоретик структурализма К. Леви-Строс усматривает в самом объекте социального познания, а именно в сфере «бессознательной умственной деятельности», способной, по его мнению, наделять конкретное содержание такими формами, которые «в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного, первобытного и цивилизованного». На этом основании и делается вывод, что «необходимо и достаточно прийти к бессознательной

1977. С. 181–182.

¹⁶ См.: Рузавин Г. И. Герменевтика и проблема интерпретации, понимания и объяснения. // Вопросы философии. 1983. № 10. С. 66; Ионин Л. Г. Понимающая социология. М.: Наука, 1979.

¹⁷ «Можно считать, – пишет Н. Смелсер, – что в исследователе-компаративисте идет непрерывный бой между «культурной обусловленностью» внутрисистемных категории и «бессодержательностью» надсистемных. Более того, многие вопросы, трудности и противоречия сравнительного анализа становятся более понятными, если на них посмотреть как на результат различных попыток разрядить это «двойное напряжение». *Smelser N. Comparative*

структуре, лежащей в основе каждого социального установления или обычая, чтобы обрести принцип истолкования, действительный и для других установлений и обычаев»¹⁸. При такой методологической программе предварительная работа, необходимая для организации и систематического сравнительного изучения этнографического материала, нацеливает на поиск ограниченного числа структурообразующих и элементов¹⁹. «После изучения фактов, – пишет Леви-Строс, – мы пытаемся извлечь из них только те устойчивые элементы (перечень их всегда неполон), которые позволяют их сравнивать и классифицировать»²⁰

Таким образом, если согласно «холистской» точке зрения, общество представляется целостностью, внутренне структурированной, но со структурой зашифрованной, скрытой для внешнего наблюдателя; если позитивистская точка зрения ведет к представлению о фактически бесструктурном обществе, обществе как конгломерате частных свойств, то структурализм пытается занять промежуточную позицию, выявить структуры, поддающиеся рациональному изучению и обладающие объясняющей силой, но не претендующие сами по себе на воспроизведение картины общества как целого²¹. Во всех этих случаях, однако, под обществом имеется в виду общество вообще, т. е. общество, абстрагированное из реального исторического процесса.

Другая тенденция в методологическом осмыслении опыта сравнительных исследований в основном связана именно с исторической компаративистикой и характерно представлена в концепции Т. Шидера²². Центральное место в ней занимает попытка выделить такую разновидность сравнительного метода, которая позволяет обосновать целесообразность его активного использования в историческом исследовании и в то же время не вступает в противоречие с концепцией уникальности исторических объектов. В качестве этой искомой формы Шидер выдвигает так называемое *синтетическое* сравнение. В соответствии с его классификацией форм сравнительного метода оно противопоставляется *парадигматическому* сравнению, при котором исторические факты анализируются с некоторой заранее определяемой позиции, и рассматривается как соединение, с одной стороны, *индивидуализирующего* сравнения, или сопоставления конкретных событий, каждое из которых служит для других не

Methods in the Social Science. Englewood Cliffs, 1976. P. 178.

¹⁸ Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 28.

¹⁹ В данной статье не ставится задача рассмотреть концепцию К. Леви-Строса в целом и в частности идеалистические основания его методологической программы. Глубокий анализ этой стороны вопроса см. в работе: Бутинов Н. А. Леви-Строс – этнограф и философ. / Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983.

²⁰ Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 289.

²¹ К. Леви-Строс подчеркивает, что с его точки зрения «конкретное общество не сводится... к своим структурам». См.: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. С. 289.

²² Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. / Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977.

более, чем простым фоном, подчеркивающим их специфичность, и с другой – *обобщающего* сравнения, предполагающего анализ определенного ряда фактов с целью получения индуктивного вывода. Синтетическое сравнение призвано, согласно Шидеру, выявлять «исторические индивидуальности более высоких порядков»²³, т. е. формировать собирательные понятия, фиксирующие новые элементы исторических структур и позволяющие группировать единичные формы таких явлений или процессов. Объективно такое собирательное понятие – это не что иное, как обобщение соответствующих единичных явлений, однако Шидер обходит эту сторону дела. Для него новое понятие важно только в одном аспекте: как отражение особенного²⁴, которое может служить фоном при рассмотрении других особенных явлений.

Специфика общего понятия, возникающего на основе синтетического сравнения заключается в том, что оно вписано в контекст реального времени, т. е. исторично (Шидер настойчиво возражает против обобщений, необходимо содержащих неисторические элементы)²⁵. Это качество и отличает такое понятие от структуралистских моделей, хотя в некоторых других отношениях между ними прослеживаются важные сходства: в обоих случаях фиксируются определенные целостности и в обоих случаях такие целостности имеют промежуточный характер, т. е. выделяются в рамках более общего социального целого. Введение исторической координаты указывает на возможность конкретизации этого социального целого, а, значит, и уменьшения разрыва между степенью универсальности языка и степенью конкретности содержательного знания, необходимых для эффективного проведения любого сравнительного исследования. Решения методологических проблем компаративистики, предлагаемые западными теоретиками, остаются, однако, непоследовательными. Во многом такая непоследовательность обусловлена идеологически, о чем свидетельствуют и поиски внеисторических структур духа как точки отсчета при изучении любого общества, и попытки привязать сравнительные исследования к таким лишь общим понятиям, которые «освобождены» от «парадигматической нагрузки», отражающей закономерный характер всемирно-исторического процесса.

Только марксистское решение фундаментальных проблем социального познания создает адекватную основу использования сравнительного метода, позволяет объективно оценивать его преимущества и границы. Решающую роль играет при этом теория общественно-

²³ Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. / *Философия и методология истории*. М.: Прогресс, 1977. С. 165.

²⁴ Т. Шидер специально отвечает, что в качестве результата синтетического сравнения мыслятся прежде всего исторически реальные объекты («индивидуальности»), которые он разграничивает с «идеальными типами» М. Вебера как иной формой синтеза. См.: Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. / *Философия и методология истории*. М.: Прогресс, 1977. С. 166.

²⁵ Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. / *Философия и методология*

экономической формации. Понятие общественно-экономической формации фиксирует такую общественную структуру, которая сочетает в себе историческую конкретность и научную общезначимость. Оно дает объективный критерий для разграничения основных состояний общества в процессе его развития, без чего невозможен целенаправленный выбор объектов для сравнительного изучения. Теория формации определяет структурообразующие элементы социально-экономических систем и тем самым действительную точку отсчета как при разработке методологии сравнительного исследования соответствующих групп объектов (прежде всего при формировании наборов переменных), так и при интерпретации результатов исследования, объяснении выявленных взаимосвязей и закономерностей.

Онтологическая субординированность общественных отношений в структуре формации не исключает, разумеется, относительную самостоятельность каждого типа отношений и правомерность использования в сравнительных исследованиях обобщений, отражающих универсальные, не связанные с формационной спецификой свойства таких, отношений (например, специфические внутренние закономерности политических или правовых отношений). Эта субординированность объясняет лишь ограниченность подобных обобщений, их подчиненность обобщениям, отражающим внутрiformационные зависимости между отношениями разных уровней (например, между экономическими и политическими, политическими и правовыми отношениями и т. д.). Именно такой подход и позволяет сознательно (а не только интуитивно, как это следует из рассмотренной выше концепции М. Зелдича) ориентироваться в бесконечном числе объяснений и толкований, которые не только возможны теоретически, но и выдвигаются на деле по поводу большинства социальных явлений и событий.

Теория общественно-экономической формации задает такой угол зрения на конкретные социальные явления, который позволяет увязывать их с общими тенденциями исторического процесса и потому способствует раскрытию их сущности. Но содержание явления не сводится к его сущности, исторический процесс в целом представляет собой единство многообразных процессов и тенденций разного уровня. Научное осмысление этого многообразия, в том числе на основе сравнительного метода, – необходимая предпосылка применения теории в конкретных условиях²⁶. Этим определяется то постоянное внимание, которое уделяется в марксистско-ленинской теории общества диалектике общего и особенного. Характерно, что знаменитый вывод К. Маркса о значении «непосредственного отношения собственников

истории. М.: Прогресс, 1977. С. 157.

²⁶ «Диалектика единства и многообразия истории, – справедливо отмечают В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, – служит методологическим основанием для установления связи социальной теории с практикой». См.: Келле В. Ж.,

условий производства к непосредственным производителям», в котором, по его словам, «мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя...», автор сопроводил замечанием, предупреждающим возможность упрощенного его толкования. «Это не препятствует тому, – пишет Маркс, – что одни и тот же базис – один и тот же со стороны главных условий – благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. – может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»²⁷.

Принципиальная методологическая установка на раскрытие диалектики сущности и явления, общего и особенного, единства и многообразия находит конкретное воплощение в разработке проблем типологии социально-экономических явлений²⁸. Совокупность общественно-экономических формаций составляет основной таксономический уровень такой типологии и служит предпосылкой построения других более конкретных типологических рядов. Прежде всего речь идет об уровне внутриформационной типологии, который представляет наибольший интерес для тех областей обществознания (например, для исторической науки), которые специализируются на изучении социальной действительности в аспекте особенного²⁹. В связи с исследованием социокультурных процессов рядом авторов ставится вопрос о выделении наряду с формационными типами культуры также «локальных исторических типов культуры», призванных отразить разнообразие культуры в ее пространственно-временной заданности, специфику региональных, национальных и более дробных человеческих общностей³⁰.

Типология социально-экономических явлений составляет необходимую предпосылку широкого применения сравнительного метода в обществознании. Лишь на ее основе становится возможной разработка не только методологической, но и конкретной научно-методической базы сравнительных исследований, отражающей реальное разнообразие их потенциальных объектов. В ряде общественных наук сравнительный и типологический анализ слились в

Ковальзон М. Я. Теория и история. М.: Политиздат, 1981. С. 277.

²⁷ Маркс К. и Энгельс Ф.. Соч. Т 25. Ч. II. С. 354.

²⁸ Советский историк М. А. Барг отмечает, что «... сама по себе объективная диалектика общего, особенного и единичного в любом из звеньев исторического процесса сталкивает историка с проблемой типологии». См.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. С. 205. В этой же работе подробно рассмотрены приемы и методы типологического анализа социально-экономического материала, применявшиеся В. И. Лениным.

²⁹ См.: Барг М. А. Категории и методы исторической науки. М.: Наука, 1984. С. 23.

³⁰ См.: Методологические проблемы общественных наук. / Под ред. акад. Л. Ф. Ильичева. М.: Наука, 1979. С. 371–376; Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука. М.: Мысль. 1983. С. 203–211.

единый сравнительно-типологический метод как наиболее развитую форму компаративистики³¹.

Типологическое начало вносит в сравнительный метод установку на системное рассмотрение изучаемых объектов³². В отличие от более традиционного сравнительно-исторического подхода, опирающегося на сопоставление признаков в их абсолютной временной последовательности или одновременности («диахроничности» или «синхроничности»)³³, сравнительно-типологический метод учитывает реальную неравномерность протекания исторического процесса и предполагает обязательное соотнесение признаков социальных объектов с их собственной, внутрисистемной историей. Это достигается самим способом типологизации социально-экономических систем, если таковой базируется на выделении общих стадий в индивидуальном развитии различных социальных объектов. «Общим знаменателем» здесь может выступать как стадийность смены формаций, так и стадийность в развитии отдельных процессов (например, этапы социальных революций определенной эпохи).

Таким образом, в рамках марксистско-ленинской методологии социального познания противоречия сравнительного метода разрешаются путем выделения социальных объектов такого уровня (общественно-экономических формаций), который, во-первых, определяет необходимый исторический контекст для понимания конкретных общественных явлений, во-вторых, задает исходный масштаб для обобщения фактов социальной жизни и, наконец, служит основой типологии социально-экономических систем, позволяющей «фокусировать» анализ на том фрагменте общего исторического контекста и выбирать такой терминологический аппарат, которые в наибольшей степени соответствуют предмету и задачам намечаемого сравнительного исследования. Хотя разрешение диалектического противоречия между индивидуальными свойствами единичных объектов и обобщенным языком, на котором ведется их изучение, остается всякий раз относительным, именно благодаря сравнительно-типологическим процедурам становится возможным значительно ослабить его остроту и сделать социальное знание более конкретным.

³¹ См.: Методологические проблемы общественных наук. / Под ред. акад. Л. Ф. Ильичева. М.: Наука, 1979. С. 371–376; Сравнительное правоведение. Сб. статей. Вступительная статья В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1978.

³² См.: *Алексеев И. Г.* Типологическая проблематика в изучении целостных образований. / Системные исследования. Ежегодник, 1977. М.: Наука, 1977

³³ Для сравнительно-исторических исследований такой подход вполне естественен, во всяком случае, в той мере, в какой они имеют дело с генетически однородными объектами (языками одной семьи, единичными фольклорными традициями и т. д.). Характерно, однако, что и в языкознании, и в изучении фольклора попытки охватить более широкий материал приводили к формированию сравнительно-типологических подходов. См.: *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л.: Наука, 1976.

Наличие развернутой типологии социально-экономических систем существенно облегчает и решение такой важной для компаративистики и за ее пределами методологической проблемы, как синтез «объясняющего» и «понимающего» подходов в исследовании³⁴. В сравнительном анализе эта проблема имеет конкретное организационно-методическое содержание, связанное с использованием информации от экспертов, которые обладают знанием и «пониманием» только одного из сравниваемых объектов³⁵. Точность адресуемых эксперту вопросов и, следовательно, информативность его ответов (соответственно целенаправленность поиска нужных сведений в экспертной информации) находятся в прямой зависимости от предварительных знаний исследователя-компаративиста о данном объекте. Установление типологической принадлежности последнего может служить эквивалентом таких знаний.

Сравнительный анализ и теория объекта. Содержательность сравнительного исследования прямо зависит от его теоретической базы. Наличие такой базы сказывается уже на выборе признаков, необходимых будь-то при подборе объектов сравнительного анализа, или в самом процессе их сопоставления. Выбор признаков из всего их множества, соответствующего данному классу объектов, – это одновременно их оценка исследователем, и она может быть более или менее осознанной и даже интуитивной, в зависимости от уровня теоретического осмысления предмета исследования³⁶.

Простейшей формой теоретической подготовки сравнительного исследования служит разработка типологии объектов. Сама типология может быть как эмпирической, отражающей простую повторяемость внешних признаков, так и теоретической, логически вытекающей из определенной концепции анализируемого предмета³⁷. И если элементарная типологическая схема может подсказать лишь набор признаков для сопоставительного описания объектов, то развитая теоретическая концепция позволяет решать с помощью сравнительного метода более сложные задачи: проследить структурные взаимосвязи между признаками, формулировать и проверять научные гипотезы³⁸.

³⁴ См.: Штофф В. А., Шилков Ю. М. О соотношении объяснения и понимания в методологии общественных наук. // Философские науки. 1984, №2.

³⁵ Сталев Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке. / Сравнительное правоведение. Сб. статей. М.: Прогресс, 1978. С. 36.

³⁶ По свидетельству венгерского правоведа И. Сабо «те, кто утверждают, что общее сравнение правовых систем безразлично к теории... игнорируют... реальность... Опыт показал, что авторы различных сравнительно-правовых концепций всегда исходят из какой-то начальной теоретической посылки, и это в конечном счете обнаруживается». См.: Сабо И. Теоретические проблемы сравнительного правоведения. / Сравнительное правоведение. Сб. статей. М.: Прогресс, 1978. С. 65.

³⁷ См.: Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972. С. 191.

³⁸ «Сравнительные исследования могут ограничиваться исследованиями описательного, диагностического характера. Тогда их результаты сводятся к установлению степени различия или сходства... институтов, процессов, ситуаций. Очевидно, что эти исследования могут ставить перед собой далеко идущие теоретические цели – проверке гипотез, установление некоторых общих положений и закономерностей» См.: Боруцка-Арцтова М.

Не менее важна и обратная зависимость. Будучи средством обобщения фактического материала, сравнительный метод обеспечивает создание эмпирической базы, необходимой для формирования и развития теории. Такая взаимообусловленность между самой теорией и эмпирическим материалом, характеризующим разнообразие проявления ее объекта, делают компаративистику не просто методом, но и ядром эффективной исследовательской стратегии, включающей итеративный процесс развития теории за счет обогащения ее эмпирического фундамента и углубления эмпирического анализа на базе совершенствования его теоретических предпосылок. На начальных стадиях такого процесса могут решаться лишь относительно простые исследовательские задачи: работа с эмпирическим материалом, как правило, будет ограничиваться сравнительным описанием объектов, а теоретическая подготовка – сводиться к приспособлению сложившихся концептуальных схем для целей группировки данных в исходном информационном массиве. В дальнейшем, однако, в его рамках должны формироваться типологические схемы и теоретические конструкции, специально рассчитанные на углубление сравнительного анализа материала, и наоборот, изучение эмпирии должно изначально ориентироваться на решение конкретных задач – как прикладных, так и диктуемых логикой развития самой теории. С точки зрения организации сравнительного исследования теория может выступать, следовательно, и как предпосылка и как его результат одновременно³⁹.

Тем не менее сравнительный метод – это частный метод исследования, и зависимость результатов его применения от теории изучаемых объектов – конкретное тому подтверждение. Как средство обобщения фактического материала сравнительный метод может способствовать развитию теории. Но такое развитие детерминировано и многими другими не менее значимыми внутренними и внешними факторами. В теории, формирующей программу сравнительного исследования, воплощен весь арсенал средств научного исследования, применяемый в данной области знания. Сравнительный метод – лишь один из его элементов. Поэтому нельзя не согласиться с теми авторами, которые предупреждают против его абсолютизации и отрыва от других более универсальных методов научного познания⁴⁰. Специфическое место

Методологические проблемы сравнительных исследований в правовых и иных общественных науках. / Сравнительное правоведение. Сб. статей. М.: Прогресс, 1978. С. 129–130.

³⁹ Именно поэтому лишены оснований сомнения по поводу целесообразности применения сравнительного метода в тех случаях, когда уже налицо теория подлежащего изучению объекта. См.: *Gliński B.* System centralnego kierowania gospodarką, socjalistyczną, i jego ewolucja. // *Ekonomista*, 1979. №1. Более того, реализация некоторых преимуществ этого метода непосредственно зависит от уровня теоретической подготовки исследования. Так, характерная для него установка на изучение ограниченного числа объектов представляет ценность только при условии, что такое ограничение сопровождается большей глубиной анализа каждого из них. Предварительная теоретико-методологическая работа и призвана обеспечить сводимость результатов такого анализа.

⁴⁰ См.: *Момдзян Х. Н.* Диалектика и сравнительно-исторический метод. / *Социология и современность*. Т. 1. М.: Наука, 1977.

сравнительного метода определяется его возможностями при анализе и обобщении сложных комплексов эмпирических данных. Это свойство делает сравнительное исследование своеобразным аналогом эксперимента.

На этапе подготовки сравнительного исследования сложную творческую задачу представляет разработка конкретной методики сравнительного анализа на базе имеющейся теории. Эта проблема имеет глубокое гносеологическое основание и связана с различием между языком теории и языком наблюдения, на котором ведется сравнительный анализ. На теоретической стадии науки «связь теоретического концептуального содержания науки и ее эмпирического базиса – данных наблюдения и эксперимента – превращается... в специальную исследовательскую проблему». Эта проблема решается на основе двух аналогичных процедур: с помощью «эмпирической интерпретации теоретических конструкций и соответственно теоретического истолкования опытных данных»⁴¹. В социально-экономических дисциплинах установлению соответствия между теоретическими понятиями и эмпирическими терминами часто не уделяется должного внимания, что заметно усложняет методическую подготовку сравнительных исследований.

С учетом рассмотренного опыта сравнительных исследований в общественных науках можно предложить следующую характеристику сравнительного метода в его развитой форме. Этот метод применяется для исследования конкретных, эмпирически данных форм сложных целостных объектов и явлений; опирается на теоретические знания об этих объектах; предполагает «перевод» таких знаний на язык эмпирических показателей, фиксирующих наблюдаемые признаки объектов; позволяет на основе соответствующих методик проверять на фактическом материале научные гипотезы, развивать и конкретизировать теоретические знания; способствует их практическому использованию.

2. Сравнительное изучение хозяйственных механизмов

Хозяйственные механизмы как объект эмпирического исследования. Первое, с чем неизбежно сталкивается исследователь интернационального опыта хозяйственного строительства – это его многообразие и многогранность. Массив данных, с той или иной стороны характеризующих такой опыт, поистине безграничен. Поэтому ключевая методологическая задача научиться выделять из этого массива те данные, которые необходимы

⁴¹ Шидер Т. Возможности и границы сравнительных методов в исторических науках. / Философия и методология истории. М.: Прогресс, 1977. С. 354.

и достаточны для его осмысления, позволяют определять направления и способы его использования.

Экономическая система описывается двумя основными видами эмпирических данных: характеристиками протекающих в ней материальных процессов, или **содержания** хозяйственной деятельности, и характеристиками деятельности по организации и управлению этими процессами, или **форм** хозяйственной деятельности. В описании форм деятельности целесообразно далее разграничивать, с одной стороны, институционализированные формы и стереотипы хозяйственной деятельности и, с другой стороны – индивидуальные хозяйственные решения и акты поведения субъектов хозяйствования. Выделенные группы эмпирических данных имеют, по-видимому, неодинаковую значимость для исследователя, занятого обобщением хозяйственного опыта.

Непосредственно такой опыт воплощен в формах хозяйственной деятельности, причем наибольший интерес представляют те из них, которые соответствуют ее типичным ситуациям, обеспечивают выполнение функций, сохраняющих свое значение в самых разных условиях. Таковы прежде всего институционализированные формы деятельности, различного рода экономические нормативы и хозяйственно-правовые нормы, стереотипы экономического поведения. Данные о таких формах и дают эмпирическое описание того объекта, который мы называем хозяйственным механизмом.

Опыт, воплощенный в конкретных хозяйственных решениях органов управления или других экономических субъектов, в определенном смысле несамостоятелен. Хозяйственный механизм как бы «индуцирует» такие решения, предопределяя реакцию субъектов на те или иные изменения в условиях хозяйствования. Данные о таких решениях могут представлять интерес лишь при условии их статистической обработки, однако их сбор требует проведения специальных достаточно сложных исследований. Традиционным объектом изучения служит лишь совокупность хозяйственных решений макроуровня, воплощающая экономическую политику государства.

Что же касается данных о материальных процессах в экономической системе, то они характеризуют не сам по себе хозяйственный опыт, а скорее специфические условия, в которых он рождается и аккумулируется. Некоторые характеристики материальных потоков, особенно агрегированные, отражают этот опыт косвенно, прежде всего через результаты функционирования хозяйственного механизма. Такие данные представляют значительный интерес. Их ценность определяется как тем, что они помогают оценить эффективность форм хозяйственной деятельности, так и тем, что они нередко могут компенсировать отсутствие прямых данных о тех или иных сторонах хозяйственного механизма. Однако в целом при

изучении опыта хозяйствования – в отличие от исследований страноведческого характера – потребность в таких данных относительно невелика и определяется в процессе работы с данными, описывающими его непосредственно.

Итак, прямые и косвенные характеристики хозяйственного механизма – это как раз та часть эмпирических данных об экономических системах, которая представляет наибольший интерес для исследователя хозяйственного опыта. Между тем организация сбора и методы обработки таких данных остаются несовершенными. Несмотря на появление обширной научной литературы по теоретическим и прикладным вопросам изучения хозяйственных механизмов, проблема целостного описания хозяйственных механизмов даже отдельных социалистических стран еще далека от удовлетворительного решения. С тем большими трудностями сталкиваются попытки создания обобщенной картины хозяйственных механизмов разных стран. Разработка методологии и методики сравнительных исследований хозяйственных механизмов призвана способствовать преодолению этих трудностей.

Процедура сравнительного анализа. Методика сравнительного исследования имеет две стороны: содержательную и процедурную. В содержательном плане она опирается на теоретические знания о предмете изучения и предполагает «перевод» этих знаний на язык конкретных показателей, фиксирующих наблюдаемые признаки анализируемых объектов. В свою очередь, процедура сравнительного анализа включает последовательный ряд операций по группировке и обобщению эмпирических данных, соответствующих конкретным значениям этих признаков. Как выражение общей логики анализа, процедура сопоставления дает удобную точку отсчета для рассмотрения основных методических проблем сравнительного исследования хозяйственных механизмов.

Сам выбор объектов определенного класса – в данном случае, страновых хозяйственных механизмов – для их сравнительного изучения означает их вычленение из более широкой системы, неявно предполагает их целостность и относительную независимость от социокультурной среды. Четкое определение границ объектов, в свою очередь, предполагает выработку единого понятия хозяйственного механизма, что намечает одну из линий связи между процедурой сравнительного анализа и его теоретической базой.

Целостность хозяйственных механизмов существенно ограничивает ценность отдельного рассмотрения их блоков и элементов. Поэтому возможность и целесообразность выделения последних в качестве объектов сравнительного анализа всякий раз нуждается в специальном обосновании. Вне контекста общей логики хозяйственного механизма сравнительный анализ его сходных блоков может дать искаженные результаты. Так, основным источником финансирования научно-технического прогресса в отраслях народного хозяйства

СССР в настоящее время является Единый фонд развития науки и техники. В ВНР аналогичные задачи решает фонд технического прогресса. Оба фонда формируются из прибыли и используются для финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, покрытия повышенных затрат, связанных с освоением новой техники. Это сходство в ряде случаев служит основой представления об аналогичной роли таких рычагов. Однако в общем контексте хозяйственных механизмов функциональная нагрузка данных инструментов существенно различается. В СССР при отсутствии прямой связи совокупности финансовых ресурсов, оставляемых в распоряжении хозяйственных звеньев, с объемом прибыли увязка средств, выделяемых на финансирование научно-технического прогресса, с прибылью и объемом производства направлена на стимулирование вскрытия резервов, повышение эффективности. В ВНР при существовании стабильных связей фонда развития с прибылью выделение и специальное регулирование фонда технического прогресса обусловлено недостаточной заинтересованностью предприятий в обновлении ассортимента выпускаемой продукции. Отказ от использования данного фонда, за который выступают многие венгерские экономисты, означал бы для предприятий расширение свободы маневра инвестиционными ресурсами.

В любом случае сопоставление отдельных элементов хозяйственных механизмов должно включать анализ их взаимосвязей с другими частями целого⁴². В частности, применительно к рассмотренному выше примеру необходимо проанализировать место соответствующего рычага в системе распределения прибыли хозяйственных звеньев, его связь с прочими источниками финансирования инвестиций и научно-технических разработок, механизм материального обеспечения соответствующих финансовых ресурсов и т. д.

Определенную специфику имеет вопрос о самостоятельном рассмотрении подсистем хозяйственного механизма, действующих в отраслях народного хозяйства (особенно, в промышленности). В исследовательской практике именно они чаще всего оказываются фактически объектом изучения, выступая как бы представителем хозяйственного механизма в целом. В ряде случаев такой подход может быть оправдан и при сравнительном анализе хозяйственных механизмов. Так, если межотраслевые различия подсистем в сопоставляемых страновых механизмах глубже, чем межстрановые различия между механизмами одной и той же отрасли, то выделение отраслевых подсистем в качестве объектов сравнительного анализа

⁴² Этот вывод подтверждается и опытом сравнительно-правового изучения хозяйственных договоров. Резюмируя его, венгерский исследователь А. Хармати отмечает что «... при сопоставлении хозяйственных договоров социалистических стран надлежит учитывать национальные системы управления хозяйством, иначе говоря то, как указанные договоры включены во всю систему и в каком соотношении они находятся с другими ее элементами». См.: *Хармати А. Сравнительное исследование института хозяйственного договора. / Сравнительное правоведение.*

может способствовать достижению большей его конкретности. Как этап в подготовке сравнительного анализа хозяйственных механизмов в целом, рассмотрение их отраслевых подсистем также, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ по сравнению с исследованием его отдельных блоков (планирования, финансирования, экономического стимулирования и т. д.). Применяемая в отрасли система экономических рычагов является комплексной, взаимосвязанной и обеспечивает реализацию важнейших функций хозяйственного механизма. Выделение отрасли в качестве объекта анализа позволяет обеспечить большую сопоставимость используемых статистических показателей и аналитической информации.

Вместе с тем анализ хозяйственных механизмов в отдельных отраслях сопряжен с риском неоправданного упрощения общей картины, причем тем большим, чем сильнее различия между отраслевыми подсистемами в хозяйственных механизмах отдельных стран. Так, рассмотрение хозяйственного механизма в ПНР на примере промышленности будет неизбежно затушевывать влияние на него частнохозяйственных отношений, преобладающих в польской деревне. Причем это упрощение вряд ли удастся преодолеть повышенным вниманием к анализу непосредственных хозяйственных связей между промышленностью и сельским хозяйством. Более важным для понимания как хозяйственного механизма в целом, так и механизма, действующего в промышленности, может оказаться сам факт сосуществования двух различающихся механизмов регулирования хозяйственной деятельности и его влияние на общие условия функционирования экономики (процессы формирования доходов, распределения трудовых ресурсов и т. д.). Поэтому выводы, получаемые на основе отраслевого анализа, неизбежно носят предварительный характер и должны корректироваться в процессе комплексного сравнительного исследования хозяйственных механизмов.

После того как реальные объекты сравнительного анализа подобраны, а их границы уточнены на основе их общего понятия, исследование вступает в следующую фазу. Общее понятие сравниваемых объектов теперь необходимо раскрыть в конкретном наборе базовых переменных. Фактический объект дальнейшего анализа задается именно этим набором параметров, а не формальным определением объекта. Так что, будут ли хозяйственные механизмы сравниваться как целостные образования или как случайные совокупности их элементов, зависит от умения охватить набором базовых параметров все существенные свойства объектов.

Подобно исходному понятию исследуемых объектов базовые параметры должны быть общими для каждого из этих объектов и одновременно фиксировать соответствующие свойства

таким образом и с такой степенью конкретности, чтобы в ходе дальнейшего анализа на фоне таких параметров можно было проследить разнообразие специфических проявлений этих свойств. При выборе базовых параметров необходимо избегать таких терминов и понятий, которые отражают специфические условия отдельных хозяйственных механизмов. Этот принцип не выдерживается, если наборы параметров, приспособленные для анализа страновых хозяйственных механизмов, используются в процессе их сравнительного исследования. Так, в работе⁴³ при структуризации хозяйственного механизма для целей сравнительного анализа в подсистеме регламентации экономического стимулирования выделяются такие параметры, как создание фонда развития производства, фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, материального стимулирования и т. д., а в подсистеме регламентации материального стимулирования – заработная плата, премии за текущие результаты работы, за разработку и внедрение новой техники, по результатам года, за выпуск товаров ширпотреба и т. д. Ориентация подобного набора параметров на хозяйственную практику СССР несомненна: во многих социалистических странах просто нет подобных инструментов, а аналогичные функции выполняются с использованием экономических рычагов, которые не попадают в данную классификацию.

Набор базовых параметров должен быть достаточно универсальным, обеспечивать возможность сравнительного описания существенно различающихся хозяйственных механизмов и вместе с тем конкретным, так как в противном случае затруднен содержательный анализ взаимосвязей элементов в рамках сравниваемых хозяйственных механизмов. Данное противоречие можно разрешить только в том случае, если наборы базовых параметров будут формироваться в зависимости от степени сходства сравниваемых механизмов.

Характерен опыт правовой компаративистики в решении этой проблемы. В ранней фазе ее развития в качестве базовых параметров стали использоваться юридические термины и понятия, свойственные правовой системе самого исследователя. Такой подход исходил из неявного предположения, что за сходным названием скрывается адекватный правовой институт. Вскоре, однако, обнаружилось, что одинаковый термин в разных правовых системах может использоваться для обозначения различных и даже несравнимых правовых институтов; что в разных правовых системах аналогичные задачи могут решаться с помощью разных институтов; что, наконец, некоторые правовые институты вообще могут не иметь двойников в других правовых системах, если там соответствующие задачи решаются неправовыми

⁴³ Организация крупных производственно-хозяйственных комплексов и управление ими. / Под ред. С. Каменицера и М. Мельник. М.: Прогресс, 1981.

средствами⁴⁴. «Этот опыт привел к пониманию важности функционального подхода – к сравнительным исследованиям, когда они начинаются не с признания определенных норм или институтов в качестве единиц сравнения, а с выдвижения социальной проблемы и уже затем поиска нормы или института, при помощи которых проблема может быть решена»⁴⁵.

Очевидно, что проблема, с которой столкнулись правоведы, напрямую относится и к исследователям хозяйственных механизмов. Здесь также при определении базовых параметров целесообразно опираться на реализуемые в каждом из сравниваемых объектов общие функции или решаемые общие проблемы. Так, вне зависимости от конкретной формы построения хозяйственного механизма различных социалистических стран все они включают элементы, обеспечивающие согласование текущих воспроизводственных взаимосвязей агентов производства и потребления (механизм текущей координации). Применительно к существенно различающимся по структуре хозяйственным механизмам подобные универсальные функции и могут выступать в качестве набора базовых параметров.

Очередной шаг в процедуре сравнительного анализа – определение набора признаков-переменных, характеризующих базовые параметры. Этот шаг обеспечивает переход от языка теории к терминам эмпирического знания. Например, в СССР функции текущей координации деятельности обеспечиваются на основе доведения прямых директивных заданий по производству продукции в номенклатуре, распределения производимой продукции, формировании системы договоров по поставкам, контроля уровня их выполнения и т. д. В ВНР аналогичные функции выполняют соотношения цен на выпускаемую продукцию и их изменения, система регулирования каналов реализации, прямое распределение дефицитной продукции и т. д. Подобные рычаги и образуют соответствующий набор признаков-переменных.

Дальнейшее движение предполагает уже непосредственную работу с эмпирическими данными – поиск конкретных значений признаков-переменных для каждого исследуемого объекта. В частности, применительно к обеспечению текущей координации деятельности в ВНР – это выявление реального влияния соотношений цен на выбор структуры производства и направлений реализации, конкретные механизмы регулирования каналов реализации и их действенность и т. д. Эти два этапа тесно взаимосвязаны и в определенных условиях могут совмещаться. Дело в том, что само определение набора переменных предполагает достаточно глубокое знание объекта. Это знание может быть реализовано непосредственно, если для

⁴⁴ Сталев Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке. / Сравнительное правоведение. Сб. статей. М.: Прогресс, 1978.

⁴⁵ Боруцка-Арицова М. Методологические проблемы сравнительных исследований в правовых и иных

отдельных объектов удастся установить специфические наборы таких переменных. Структура этих наборов будет служить важной эмпирической характеристикой объектов, их своего рода обобщенным признаком-переменной. Другая ситуация возникает, если наборы признаков-переменных не могут быть специфицированы на этапе их определения. Тогда задача распадается на две: преимущественно методическую – по формированию универсального набора переменных и содержательную, связанную с «наполнением» этих переменных фактическими данными.

На этапе эмпирического описания объектов возникает принципиальный вопрос об источниках соответствующих данных. Он связан с нетождественностью реально действующего и нормативного (т. е. закрепленного в юридических нормах и других формальных актах) хозяйственного механизма⁴⁶. Это проявляется в наличии отношений и правил, формализация которых невозможна, нецелесообразна или просто не обеспечена, а также в существовании таких нормативно зафиксированных положений, которые фактически не работают. Задача поэтому сводится к тому, чтобы нацелить информационный поиск в первую очередь и главным образом на выявление эмпирических данных, характеризующих реальный хозяйственный механизм.

Существенную роль в выявлении информации о реальном функционировании хозяйственного механизма может играть страновая статистика. В частности, она позволяет выделять практически не работающие или малозначимые элементы нормативного хозяйственного механизма. Так, в СФРЮ в 70-х годах был принят комплекс нормативных актов о добровольном пенсионном обеспечении индивидуальных крестьян, предпринимались попытки использовать эту систему в целях усиления интеграции индивидуальных крестьянских хозяйств с общественным производством. Однако статистическая информация о числе индивидуальных крестьян, получающих пенсии в целом по стране и в республиках, где пенсионное обеспечение крестьян является обязательным, позволяет сделать однозначный вывод о том, что система добровольных пенсий не стала реальным элементом хозяйственного механизма.

общественных науках. / Сравнительное правоведение. Сб. статей. М.: Прогресс, 1978. С. 135.

⁴⁶ Обсуждаемая проблема актуальна также для сравнительного правоведения. «Лишь «право в действии», – пишет Ж. Сталев, – это живое право... Право, остающееся лишь на бумаге, – социально мертво. Сравнительно-правовое исследование... не может не интересоваться его социальным бытием. Иначе мы рискуем сравнивать, с одной стороны, живые, а с другой, – мертвые правовые институты». См.: *Сталев Ж.* Сравнительный метод в социалистической правовой науке. / Сравнительное правоведение. Сб. статей. М.: Прогресс, 1978. С. 37–38. В то же время в юридической литературе отмечается сложность задач, связанных с практическим осуществлением этой установки. В результате, по оценке советского юриста В. А. Туманова, «... теория сравнительного метода в том виде, как она существует сегодня... скорее может быть названа теорией сравнительного законодательства, чем теорией сравнительного права». См.: Сравнительное правоведение. Сб. статей. Вступительная статья В. А. Туманова. М.: Прогресс, 1978. С. 10.

Большой объем информации о процессах, реально протекающих в экономике сравниваемых стран, содержится в аналитических работах по проблемам функционирования и совершенствования хозяйственного механизма. Например, если ориентироваться на действующие нормативные акты, в настоящее время в СССР основным документом, регламентирующим хозяйственную деятельность предприятий и объединений, является стабильный пятилетний план; годовые планы составляются на основе предложений предприятий; заинтересованность во вскрытии резервов обеспечивается на основе использования системы стабильных экономических нормативов; поощрительные надбавки к ценам обеспечивают повышенную рентабельность производства новой высокоэффективной продукции и т. д. Как известно, практика вносит существенные коррективы в эту схему. Имеются работы, описывающие на основе анализа фактического материала процесс плановых корректировок и его интенсивность, корректировки экономических нормативов и реальный механизм регулирования распределения прибыли и образования фонда заработной платы, зависимость рентабельности производства от срока выпуска продукции и т. д. Аналогичные работы выполняются и в зарубежных социалистических странах.

Круг проблем, находящихся в центре внимания при проведении подобного рода исследований, определяется внутренними проблемами развития экономики, хозяйственных механизмов отдельных стран. Вместе с тем они, как правило, концентрируются вокруг элементов хозяйственного механизма, являющихся существенными, и тех, по которым имеются заметные различия между реальным и нормативным механизмом. Поэтому сам круг вопросов, обсуждаемых в аналитических работах по проблемам функционирования хозяйственного механизма, представляет значительный интерес с точки зрения выявления реального механизма управления экономикой.

Ответственный этап сравнительного анализа – обработка эмпирических данных о значениях признаков-переменных. Прежде всего необходимо иметь в виду, что при анализе таких объектов, как хозяйственные механизмы, особенно важно не сводить эмпирические характеристики к количественным показателям. Переменные, с которыми должен иметь дело исследователь, чаще всего фиксируют определенные виды хозяйственных отношений и институтов; соответственно их значения отражают вариативность формы таких отношений и институтов. Поэтому основной способ обработки собранной эмпирии – это прослеживание сходств и различий в таких формах и выявление структурных взаимосвязей и зависимостей как между самими переменными, так и между их значениями.

Информация о построении важнейших экономических инструментов в сравниваемых странах должна быть дополнена данными, характеризующими результаты их

функционирования. В этой связи нас интересует уже не только то, как именно организован процесс ценообразования, но и реальная динамика цен, не только механизм регулирования доходов, но и фактический уровень дифференциации в оплате труда и т. д.

Выявление сходств и различий в признаках, описывающих хозяйственные механизмы, и анализ данных о их влиянии на ход материальных процессов в экономической системе, социальное развитие, позволяют перейти к заключительному этапу в процедуре сравнительного анализа интерпретации его результатов. Сравнительное исследование должно показать, какую роль играют конкретные элементы каждого хозяйственного механизма с точки зрения общей логики его функционирования и с точки зрения решения конкретных проблем, стоящих перед отдельными странами и связанных со специфическими особенностями уровня экономического развития, экономической ситуации, направлений экономической политики.

Наибольший интерес в этой связи представляют возможности, связанные с проверкой теоретических гипотез. Предложения по совершенствованию хозяйственного механизма, как правило, базируются на предположениях, что соответствующие изменения либо совместимы с его прочими элементами, либо комплексное изменение системы взаимосвязанных рычагов выполнимо и обеспечивает повышение эффективности производства. Выявленные в процессе сравнительного анализа эмпирические взаимосвязи и зависимости позволяют проверять подобные гипотезы с использованием большого объема фактического материала, преодолевать ограничения, неизбежно присутствующие при ориентации на информацию о взаимосвязях в хозяйственном механизме отдельных стран.

Типология в процессе сравнительного анализа. Глубина и характер различий между сопоставляемыми хозяйственными механизмами могут быть неодинаковыми. Учет этого обстоятельства играет важную роль в методике сравнительного анализа. Одно дело, если, например, в двух странах работа предприятий оценивается на основе одного и того же показателя, скажем чистой продукции. Иной круг вопросов возникнет, когда придется сопоставлять методы оценки, базирующиеся на разных показателях, предположим, чистой и товарной продукции. И совсем другой подход нужен в том случае, если в одном из сравниваемых хозяйственных механизмов при оценке предприятий вообще не используются объемные показатели. В первом случае при разработке программы сравнительного анализа вполне правомерно выделить такой базовый параметр, как «способ применения показателя чистой продукции» (в качестве его переменных могут выступать, например, вид показателя: нормативная или фактическая чистая продукция; техника и сроки его расчета и т. д.). Во втором случае соответствующий базовый параметр должен формулироваться уже более обобщенно, например: «формы оценочных показателей хозяйственной деятельности». Наконец, в третьем

случае минимально сопоставимым уровнем могут оказаться системы материального стимулирования в целом.

Отразить неоднородный характер различий между сравниваемыми объектами призвана типология хозяйственных механизмов.

Основной ее смысл – выделение групп однотипных хозяйственных механизмов и разграничение на этой основе двух разновидностей сравнительного анализа: межтипového и внутритипového (т. е. сопоставления объектов, соответственно, разных или одного типа).

С точки зрения процедуры сравнительного анализа установление типологической принадлежности хозяйственных механизмов представляет собой ее дополнительное звено, следующее непосредственно за выбором этих механизмов в качестве объектов сравнительного изучения. Эта операция предполагает наличие соответствующего набора типобразующих признаков-переменных.

Разграничение межтипového и внутритипového анализа связано с кардинальной для сравнительного метода проблемой: наличием специфической для каждого объекта («контекстуальной») смысловой нагрузки у тех признаков, которыми эти объекты описываются. Если при межтипovém анализе весь аппарат сравнительного метода строится с учетом такой специфики и нацелен на выявление ее истоков, то внутритиповой анализ призван объединить те ситуации, при которых особые смысловые нагрузки, обусловленные общей структурой объектов, не играют существенной роли. В таких ситуациях внимание должно фокусироваться не на взаимосвязях между блоками и элементами сравниваемых хозяйственных механизмов, а на внутреннем строении этих блоков и элементов. Разумеется, межстрановые различия в строении и функционировании каждого такого блока также могут – на соответствующем «локальном» уровне – придавать их компонентам и признакам дополнительные смысловые оттенки, от которых исследователь уже не вправе отвлекаться.

Отнесение объектов к одному типу или к разным типам оказывает решающее влияние на все те элементы методики сравнительного анализа, которые определяют содержательную сторону исследования. Так, набор базовых параметров межтипového анализа должен прежде всего отразить различные способы обеспечения целостности сопоставляемых хозяйственных механизмов. В этом случае в качестве исходной гипотезы следует принять предположение об отсутствии структурных инвариантов в их организации. Поэтому точку отсчета при формировании базовых параметров можно искать лишь в характеристиках внешней среды, в которой функционируют хозяйственные механизмы, прежде всего в той роли и тех функциях, которые они выполняют в обществе. И если, например, в одном хозяйственном механизме роль цен сводится к регулированию распределительных процессов, а в другом – они активно

воздействуют на структуру производства, то и программа сравнительного анализа этих механизмов должна предусматривать не сопоставление самих по себе систем ценообразования (такой подход только затушевывал бы отмеченное кардинальное различие), а сравнение того, как оба хозяйственных механизма обеспечивают, с одной стороны, регулирование распределительных отношений и, с другой – формирование структуры производства. Понятия «распределительные отношения» и «структура производства» – характеристики социально-экономических систем более общего уровня, чем хозяйственные механизмы. Это и позволяет их использовать в качестве средства сравнительного анализа.

При выделении базовых параметров внутритипового сравнения рабочей гипотезой может служить, напротив, «презумпция сходства» сопоставляемых объектов⁴⁷. Только в этом случае становится правомерным использование при сравнении хозяйственных механизмов их внутренних характеристик: и таких обобщенных, как «система ценообразования», и более дробных, будь-то «типы цены» или «стимулирующие ценовые надбавки».

Аналогичным образом различаются и признаки-переменные, применяемые при сопоставлении разнотипных и однотипных объектов. Поэтому переменными при межтиповом анализе могут служить те же характеристики, которые выступают как базовые параметры внутритиповых сравнений (например, то же «ценообразование», «организация управления» и т. д.)⁴⁸.

Заметно различается и характер оценочных показателей, которые могут использоваться при межтиповых и внутритиповых сопоставлениях. В первом случае в этой роли, как правило, могут выступать лишь общеэкономические показатели, отражающие результаты осуществления соответствующих социально-экономических функций. При анализе форм регулирования распределительных отношений полезно, например, обратиться к данным о дифференциации доходов и уровней обеспеченности предметами длительного пользования.

Нельзя, однако, не учитывать, что динамика подобных общеэкономических показателей лишь косвенно и часто весьма опосредованно отражает функционирование соответствующих структур хозяйственных механизмов. При внутритиповых сравнениях круг возможных оценочных показателей значительно расширяется, в том числе за счет характеристик, способных отразить действие собственно организационно-хозяйственных факторов (например,

⁴⁷ Сталев Ж. Сравнительный метод в социалистической правовой науке. / Сравнительное правоведение. Сб. статей. М.: Прогресс, 1978. С. 31.

⁴⁸ Переход по мере усиления различий между сравниваемыми объектами от отдельных «институтов» к обобщенным функциям в качестве базовых параметров иногда упрощенно трактуется как простое изменение уровней абстрактности соответствующих «понятий». См.: Smelser N. Comparative Methods in the Social Sciences. Englewood Cliffs, 1976. P. 176. В действительности, однако, дело обстоит сложнее, так как отдельные социальные институты могут участвовать в реализации разных обобщенных или «внешних» функций. В этом случае переход от института

структуры и изменения скорости оборота запасов, частоты и размеров корректировок плановых показателей и т. д.).

Разграничение межтипового и внутритипового сравнения открывает дополнительные возможности и на стадии интерпретации выявленных сходств и различий между объектами. Сами по себе они могут скрывать различные зависимости. Факт сходства по одному из элементов может, например, в одном случае означать близость общих структур хозяйственных механизмов, а в другом – оставаясь локальным явлением, свидетельствовать, о наличии даже в резко различающихся хозяйственных механизмах относительно автономных и мало связанных с их общей структурой элементов. Предварительное установление типологической принадлежности объектов снимает подобную неопределенность.

В результате близость по организации и функциям между блоками разнотипных хозяйственных механизмов (например, элементами систем учета, стандартизации и т. д.) становится возможным рассматривать как проявление их инвариантности к соответствующим типам хозяйственных механизмов. Такой вывод имеет уже непосредственное практическое значение, поскольку указывает на перспективный участок для работы по взаимному использованию положительного хозяйственного опыта.

Интересным результатом внутритипового сравнительного анализа может быть выявление круга возможных вариантов построения хозяйственных механизмов и их блоков. Дальнейший анализ таких вариантов позволяет их сопоставлять по характеру влияния на экономические результаты, а также открывает путь к выделению характеристик хозяйственных механизмов, которые могут варьироваться при минимальных изменениях прочих элементов (свободные параметры). Одновременно могут выявляться и группы относительно связанных параметров, изменение которых требует перестройки определенного круга зависимых элементов. Выделение свободных и связанных параметров однотипных хозяйственных механизмов, анализ результатов применения разных решений также призваны повышать эффективность поиска и применения положительного организационного опыта других стран.

Кроме того, внутритиповой анализ позволяет определять и такие параметры, изменение которых противоречит общей логике хозяйственного механизма данного типа. Перестройка соответствующих элементов и связей может быть эффективной лишь в рамках перехода к иному типу хозяйственного механизма. Выявление закономерностей формирования переходных режимов, обеспечивающих межтиповую трансформацию хозяйственных механизмов, – это более сложная научная задача. Основой анализа механизмов межтипового

к функции будет сопряжен со структурной перестройкой используемого эмпирического материала.

перехода должны быть как выявленные закономерности функционирования отдельных типов хозяйственных механизмов, так и сравнительный анализ реальных переходных режимов (экономических реформ), накопленного в процессе их реализации позитивного и негативного опыта.

3. Некоторые теоретические предпосылки сравнительного изучения хозяйственных механизмов

Эффективность сравнительных исследований хозяйственных механизмов существенно зависит от их теоретической базы. При этом ключевую роль играет разработка, во-первых, научной типологии социалистических хозяйственных механизмов, во-вторых, общей функциональной теории хозяйственного механизма, отражающей его взаимосвязи с социально-экономической системой в целом.

Разумеется, в полном виде эти задачи не могут быть решены чисто теоретическим путем, и в процессе использования методологии и методики сравнительного анализа, несомненно, потребуется период «обкатки» и корректировки теоретических представлений. Однако обоснованные гипотезы решения таких задач должны быть сформулированы еще на подготовительной стадии исследования.

К разработке типологии хозяйственных механизмов. Под типологией следует понимать не только некоторую разбивку действующих (и ранее действовавших) хозяйственных механизмов на группы, но прежде всего определенный научный аппарат, позволяющий устанавливать типологическую принадлежность любого объекта данного класса, независимо от того, был ли он учтен при построении исходной типологической схемы. Конечно, появление нового объекта может выявить несовершенство используемой типологии и потребовать ее перестройки. Такая возможность подчеркивает различие между задачей построения (совершенствования) типологии и задачей ее применения (например, в процедуре сравнительного анализа).

Проблема типологии хозяйственных механизмов разработана в экономической теории явно недостаточно. Во многих работах, посвященных обобщению интернационального опыта хозяйствования, фактор различной типологической принадлежности хозяйственных механизмов вообще не принимается во внимание⁴⁹. Одновременно нерешенность этой

⁴⁹ См., например: Совершенствование управления экономикой стран СЭВ. М.: Наука, 1974; Хозяйственный

проблемы вынуждает многих специалистов ограничиваться страновым подходом к анализу такого опыта⁵⁰. Не может служить выходом из положения и выделение некоторыми авторами абстрактных теоретических моделей хозяйствования⁵¹. Выдержанные в духе методологии «идеальных типов», такие концепции обычно сводят дело к разграничению централизованных и децентрализованных механизмов регулирования хозяйственной деятельности, что существенно упрощает действительность и не позволяет их использовать при анализе реальных объектов.

Интересная попытка вариантного рассмотрения системы функционирования социалистической экономики принадлежит известному польскому экономисту Б. Глиньскому⁵², который выделил и проанализировал следующие четыре варианта:

- систему централизованного управления, действовавшую во всех социалистических странах в 50-е гг.;
- вариант, сочетающий централизованное планирование с частичной, умеренной самостоятельностью хозяйственных организаций (чему соответствовала, по мнению Глиньского, ситуация в большинстве европейских стран СЭВ, кроме Румынии, в 60-е гг.);
- вариант, соединяющий центральное планирование со значительной, углубленной самостоятельностью хозяйственных организаций, которому в наибольшей степени соответствует хозяйственный механизм в ВНР после 1967 г.;
- вариант с максимальной автономией хозяйственных организаций (его Б. Глиньский связывает с практикой СФРЮ с конца 50-х гг.).

Важным достоинством этой классификации является ее связь с реальным историческим опытом строительства социалистической экономики. В то же время, как признает сам автор, речь идет лишь о рабочей гипотезе разграничения вариантов. При этом не предлагается ни процедуры построения классификации, ни методов ее проверки, что отражает ее в основном интуитивный характер.

Определенный теоретический подход к разграничению исторически преемственных хозяйственных схем предложен в работе Л. П. Евстигнеевой и Р. Н. Евстигнеева⁵³. Результаты проведенного здесь анализа могут быть использованы при построении типологии хозяйственных механизмов, однако непосредственно выделенные четыре хозяйственные схемы

механизм функционирования социалистической экономики. М.: Экономика, 1982.

⁵⁰ См.: Развитие хозяйственных механизмов в странах СЭВ. М.: Экономика, 1983.

⁵¹ См., например: *Вилчински В.* Варианты механизма социалистического хозяйства. // *Oeconomica Polona*, 1974, №2.

⁵² *Gliński B.* System centralnego kierowania gospodarką, socjalistyczna, i jego ewolucja. // *Ekonomista*, 1979. №1.

⁵³ *Евстигнеева Л. П., Евстигнеев Р. Н.* Социалистический хозяйственный механизм: закономерности развития. М.: Наука, 1981.

связаны с решением иных научных задач и прежде всего с осмыслением эволюции форм хозяйственной организации.

Разработка реальной типологии хозяйственных механизмов предполагает решение ряда вопросов. Необходимо выработать некоторый общий «язык», на котором можно было бы описать любой объект данного класса; определить точку отсчета, позволяющую дифференцировать и группировать хозяйственные механизмы; наконец, задать определенный масштаб, или «метрику» такой группировки.

В качестве универсального языка описания хозяйственных механизмов удобно использовать терминологию обобщенных хозяйственных субъектов и обобщенных функций хозяйственной деятельности. Реальная посубъектная структуризация хозяйственного механизма может быть весьма дробной, но для целей разработки типологии достаточно выделения трех агрегированных групп субъектов. Это: а) центральные органы управления экономикой; б) организации микроэкономического уровня (предприятия, объединения, комбинаты и т. д.); в) население. Столь же обобщенно может быть представлена и деятельность хозяйственных субъектов. При этом целесообразно выделять характер принимаемых ими хозяйственных решений, или – шире – характер генерируемой ими информации, а также формы их мотивационного воздействия на прочие хозяйственные субъекты в процессе реализации принятых решений.

Основой дифференциации и группировки хозяйственных механизмов по типам может служить стандартный набор базовых параметров межтипологического анализа, т. е. функции социально-экономической системы, реализуемые через хозяйственный механизм. Содержание этой процедуры сводится к выявлению для каждого хозяйственного механизма соотносительной роли отдельных субъектов в процессе осуществления одних и тех же функций.

Так как различия можно обнаружить между любыми двумя хозяйственными механизмами, то важное значение имеет определение «расстояния» между единицами классификации. Если оно окажется слишком «коротким» или слишком «длинным», типология потеряет смысл; в первом случае каждый или почти каждый механизм может занять собственную клетку, во втором – все могут объединяться в одну-две группы. Критерием при определении «метрики» классификации должна служить прежде всего цель сравнительно-типологического исследования. Если такой целью является обобщение и взаимное использование опыта хозяйствования, то критерием однотипности или разнотипности хозяйственных механизмов естественно считать степень сложности переноса такого опыта между сравниваемыми механизмами.

Элементы функционального подхода к анализу хозяйственных механизмов. Вполне самостоятельную теоретическую задачу представляет собой структуризация «внешних» функций хозяйственного механизма и формирование на этой основе набора базовых параметров межтипового анализа. Ее решение определяется местом хозяйственного механизма во всей системе социально-экономических отношений. В самом общем виде это место обусловлено тем, что через хозяйственный механизм реализуются все основные функции социально-экономической системы, связанные с регулированием воспроизводственного процесса. Поскольку же регулятором воспроизводственного процесса служит прежде всего система производственных отношений, постольку можно предположить, что главными факторами, определяющими структуру «внешних» функций хозяйственного механизма должны быть структура воспроизводственного процесса и структура производственных отношений.

Это позволяет выделить две основные координаты в структуре функций хозяйственного механизма: с одной стороны, различные «контуры функционирования», соответствующие контурам воспроизводственного процесса, и, с другой – традиционный ряд параллельных задач, связанных с воспроизводством продуктовой, технологической и социальной структур общественного производства.

В целом можно в предварительном порядке предложить следующую структуру основных «внешних» функций хозяйственного механизма и, соответственно, его блоков, обеспечивающих реализацию этих функций (функциональных блоков).

I. Функциональные блоки, обеспечивающие текущее воспроизводство социально-экономической системы:

1) блок обеспечения текущей сбалансированности (согласования структуры производства и конечного потребления);

2) блок обеспечения эффективного использования наличных ресурсов (экономии и оптимального комбинирования их различных видов);

3) блок стимулирования трудового вклада участников производства (обеспечения заинтересованности работающих в труде и его результатах);

4) блок обеспечения социальной справедливости (определения и поддержания социально приемлемых границ дифференциации доходов, удовлетворения социально приоритетных потребностей и т. д.).

II. Функциональные блоки, обеспечивающие долговременную стабильность и развитие социально-экономической системы:

5) блок обеспечения макросбалансированности (обеспечения полной занятости, компенсации колебаний экономического роста);

б) блок «малого» научно-технического прогресса (обеспечения разработки и внедрения новых эффективных технологий, видов изделий, поддержки рационализаторской деятельности);

7) блок перспективного научно-технического и социально-экономического развития (разработки и реализации целей развития в области совершенствования социальных отношений и структуры потребления, обеспечения прогрессивных сдвигов в структуре производства).

Конечно, предложенное разграничение функциональных блоков не является единственно возможным. Некоторые блоки могут быть дезагрегированы. Заслуживает специального обсуждения вопрос о возможности выделения в особый функциональный блок механизма обеспечения внешнеэкономических связей. Перспективным направлением дальнейшего исследования подобных проблем может стать анализ взаимодействия хозяйственного механизма и социально-экономической политики. Например, если известно, что политика в области распределительных отношений может по-разному расставлять приоритеты между функцией стимулирования трудового вклада, обеспечивающей заинтересованность работающих в труде и его результатах, с одной стороны, и функцией обеспечения социального равенства и справедливости – с другой, то этот факт можно рассматривать как основание для разграничения этих двух функций при анализе хозяйственных механизмов.